

сделал довольно для бесчестия себе и для вашей славы.

– Что до этого, – отвечал сэра Ламорак, – то я спасибо тебе не скажу. Раз ты одолел меня верхом, я теперь требую и прошу тебя, если в самом деле ты сэра Тристрам Лионский: слезай с коня и сразись со мной пеший.

– Не бывать этому! – сказал сэра Тристрам. – Знайте, что имя мое – и в самом деле сэра Тристрам Лионский, вы же, я знаю, – сэра Ламорак Уэльский. Что урона я вам причинил, то все против моей воли: я был обязан подчиниться. Я всегда готов исполнить вашу просьбу, но только не на этот раз, ибо сейчас я с вами больше сражаться не буду, я и так уже себя опозорил.

– Что до позора, – отвечал сэра Ламорак, – то по своей воле ты избираешь позор. Ибо хоть сын кобылы и отказался мне служить, сын королевы к твоим услугам! И если ты и в самом деле такой рыцарь, как люди о тебе говорят, должно тебе спешиться и сразиться со мною!

– Сэра Ламорак, – сказал сэра Тристрам, – я понимаю, вы разгневаны, и недаром. Ведь сказать по правде, я бы и сам огорчился, видя, как благородный рыцарь, не принимавший участия в бою и сохранивший силы, нападает на другого, уставшего в сражениях, ибо не создан такой рыцарь и такой конь, которые не ведали бы усталости. И потому, – сказал сэра Тристрам, – я не стану дольше биться с вами, ибо мне и о том противна мысль, что уже сделано мною.

– Что до этого, – сказал сэра Ламорак, – я с вами еще когда-нибудь расквитаюсь, когда будет подходящий случай.

34

И с тем отбыл он оттуда вместе с сэром Дриантом, и по пути встретился им рыцарь, посланный от госпожи Феи Морганы к королю Артуру. Вез этот рыцарь с собою рог, изукрашенный золотом, а у этого рога было такое чудесное свойство, что напиток из него могла только та дама или благородная женщина, которая была верна своему мужу; если же она неверна, то непременно прольет все питье, а если сохранила верность своему господину, то может пить спокойно. Для королевы Гвиневеры и в обвинение сэру Ланселоту был послан этот рог королю Артуру. Но сэра Ламорак силой заставил того рыцаря признаться, зачем и куда везет он рог, и тот ему все открыл.

– А теперь выбирай, – сказал сэра Ламорак, – либо ты отвезешь рог королю Марку, либо умрешь. Ты должен свезти его туда назло сэру Тристраму. И скажешь королю, что я шлю ему этот рог, чтобы он испытал им свою супругу, и, если она ему верна, он в том удостоверится.

И рыцарь пустился в путь и, прибыв к королю Марку, отдал ему драгоценный рог и сказал, что его прислал сэра Ламорак, и открыл ему чудесное свойство рога.

И тогда король заставил королеву, а с нею и еще сто дам напиток из того рога, и лишь четыре дамы из всех испили питье не облившись.

– Увы! – сказал тут король Марк, – это нам страшное оскорбление. И он поклялся великой клятвой, что и она, и остальные дамы будут сожжены на костре. Но тут собрались бароны и объявили открыто, что не согласны посылать на костер своих дам из-за какого-то рога, созданного волшебными чарами той, которая сама есть коварнейшая в свете колдунья и волшебница. Ибо от этого рога никакого проку нет, а одни только раздоры и распри, ведь она всю жизнь свою была врагом всех истинно любящих.

И многие рыцари, кто там были, поклялись, что если встретится им Фея Моргана, то любезного обращения от них не дождется. Особенно же разгневался сэра Тристрам, что сэра Ламорак затеял прислать рог королю Марку, ибо он-то, уж конечно, понимал, что это сделано против него, сэра Тристрама, и он задумал поквитаться за это с сэром Ламораком.

В те времена сэра Тристрам приходил к королеве Изольде днем и ночью, когда только возможно было, а сэра Андрет, его родич, все время подстерегал его ночь за ночью, желая застигнуть его с Прекрасной Изольдой. И вот однажды ночью сэра Андрет подстерег в свой срок и час, когда сэра Тристрам пришел к своей даме. И тогда сэра Андрет привел двенадцать рыцарей и в полночь набросился на сэра Тристрама неожиданно-негаданно. И взяли сэра Тристрама нагого в постели с Прекрасной Изольдой, связали по рукам и ногам и стали ждать наступления дня.

А наутро по решению короля Марка и сэра Андрета и иных баронов отвели сэра Тристрама в часовню, что стояла над морем на скалистом берегу, чтобы там над ним исполнили приговор. Повели его связанного, в сопровождении сорока рыцарей, и, когда увидел сэра Тристрам, что ничего не остается ему, как умереть, сказал он им так: